

с кем-либо из братии, прядет «волну» (изготавливает нити для переплета книг) или творит «ино кое дело», про себя вполголоса напевая псалмы.

Характерное для Жития в этой его части «приземление» образа Феодосия в особенности ярко сказывается в эпизоде (он подробно изложен у Нестора), где Феодосий сам делает то, в чем обычно упрекает других. Как-то накануне праздника Успения богородицы «строитель церковный» обнаружил, что для лампад нет масла деревянного. Он решил взбить масло из льняных семян, о чем и сообщил Феодосию. Тот дал согласие. Когда же «строитель» приступил к заправке лампад, то заметил, что в сосуде поверх масла плавает дохлая мышь. Он поспешил рассказать об этом Феодосию: «со всяким утверждением» накрыл он сосуд и никак не может понять, «откуда влезе гад той и утопе». Феодосий усмотрел в этом наказание за свое «неверствие», осудил себя за то, что не понадеялся на помощь божью, а оскверненное масло повелел вылить на землю. Эпизод примечателен тем, что «святой», «блаженный», «богодуховенный» Феодосий здесь выступает как рядовой человек, во всем подобный «строителю церковному» — не святому.

Заслуживает внимания в этой же связи и тот факт, что Феодосий у Нестора почти не творит чудес. Те же чудеса, которые творит, носят всегда, как правило, чисто практический, хозяйственный характер и преследуют одну цель: материальное благосостояние монастыря. В одном монастырском селе он изгоняет бесов, которые поселились в хлеве и портили скот; монастырский пустой заком по молитве его наполняется мукой в таком изобилии, что она даже пересыпается через стену; пустая бочка по его слову наполняется медом.

Рассказ о смерти и погребении Феодосия частично возвращает Житие в старое агиографическое русло; он не выходит за рамки традиционной схемы: Феодосий предсказывает день и час своей смерти, прощается с братией, просит избрать ему преемника, молится. Несколько оживляет этот трафарет только одна подробность: когда Феодосий, предчувствуя смертный час, попросил оставить его одного в келье, некий брат, «иже всегда служаше ему», не смог сдержать любопытства — проделал небольшую «скважню» и стал подсматривать. Сквозь эту «скважню» Нестор и показывает то, что Феодосий пожелал скрыть от братии — последние минуты своей земной жизни, исход души.

Завершают Житие три небольших рассказа о посмертных чудесах Феодосия, некоторые сведения о дальнейшей истории Печерского монастыря и повторяющее тему вступления коротенькое заключение.

Повествовательный строй Жития в целом — еще одно свидетельство незаурядного мастерства Нестора-рассказчика. Повествование носит характер ровного, неторопливого, истового сказа от первого лица — от автора. Только в одном случае Нестор, следуя примеру Кирилла Скифопольского, у которого аналогичные случаи нередки, передает слово другому рассказчику — иноку Иларionу: последний сообщает эпизод из своей жизни, и эпизод этот в изложении Иларiona, с сохранением диалога, которым он обменивается с Феодосием, входит в состав Жития как «рассказ в рассказе».

Сказовый характер повествования поддерживается у Нестора всеми особенностями этой формы речи: обращениями к читателю («братии»), размышлениями автора по поводу излагаемого, частыми оговорками — знаками авторского самоконтроля, если повествование по тем или иным причинам уклоняется в сторону («Но сиде на первое исповедание возвратимся», «Но се пакы лепо есть нам, братие, сие споведавше, и на прочее ... сказание поити» и т. п.).